

R 458
K 20

Ив. Бунинъ.

Весенній вечеръ.

РУССКОЕ КН.ВО въ ОДЕССЪ.

Удостоверение тиража:

2803

Одесса.
«Центральная» тип. Н. Лемберга Херсонская, 21.
1918.

R 458
20

И. БУНИНЪ.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Одесса.
«Центральная» тип. Н. Лемберга Херсонская, 21.
1918.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

1108-81

На Оминой недѣлѣ, въ ясный, чуть розовый вечеръ, въ ту прелестную пору, когда земля только-что вышла изъ-подъ снѣга, когда въ степныхъ лощинкахъ еще лежитъ подъ голыми дубками сѣрый затвердѣвшій снѣжокъ, ходилъ по одной елецкой деревнѣ, отъ двора къ двору, старикъ-нищій. — конечно, безъ шапки, съ длинной холщевой кисой черезъ плечо.

Деревня эта большая, но молчаливая, полевая. Да и вечеръ такой выдался. Пусто было вдоль безконечно разливагося глинистаго пруда, на ровномъ выгонѣ, гдѣ, въ тѣни отъ избъ и пунекъ, шель, держа въ рукѣ высокую орѣховую палку, этотъ лысый и черный старикъ, похожій на святителя. Выгонъ чисто, ярко зеленѣлъ, въ воздухѣ свѣжѣло, прудъ, выпукло-полный, зеркально-тѣлеснаго тона, слегка алѣлъ и красивъ былъ, хотя еще плавала въ немъ одна бутыльно-зеленая, въ рыжемъ навозѣ, льдина. Гдѣ-то на томъ боку, тепло и ласково освѣщенномъ въ упоръ низкимъ солнцемъ, — гдѣ-то, какъ казалось, очень далеко, — плакалъ ребенокъ, заблудившійся за какой-нибудь ригой или амбаромъ, и хорошо было слушать по зарѣ его жалобный однообразный плачь... Но подавали плохо.

Тамъ, при въѣздѣ, возлѣ стараго богатаго двора съ вѣковыми дубами въ грачиныхъ гнѣздахъ за темно-красной кирпичной избой въ три связи, подала молодая сѣроглазая бабочка, да и то пустякъ. Стояла она у каменнаго порога среди подсыхающей весенней грязи, на тугой тропинкѣ,

держала сидѣвшую у нея на рукахъ хорошенькую дѣвочку съ безсмысленными голубыми глазками, въ разнолоскусномъ чепчикѣ, и, прижимая ее къ себѣ, плясала, притопывала босыми ногами и повертывалась, раздувая ситцевую юбку.

— Вонъ старикъ, сейчасъ въ сумку отдамъ,—заговорила она сквозь зубы, впиваясь губами въ щечку дѣвочки:—

Пайду плясать,
Альни подъ хруститъ...

И, перевернувшись, перемѣнила голосъ на звонкій, кому-то подражающій, кокетливый:

— Старикъ, старикъ, не надобно ли вамъ дѣвочку?

Дѣвочка не испугалась, она спокойно сусолила толстую баранку—и мать, шутя, на всѣ лады, стала уговаривать дѣвочку отдать ее подошедшему и улыбавшемуся нищему:

— Отдай, дѣточка, отдай, а то мы съ тобой во всемъ дворѣ однѣ-одинешеньки, намъ и милостинку сотворить не изъ чего...

И дѣвочка тупо протянула короткую ручку, свой маленькій кулачокъ съ зажатой въ немъ слюнявой котелкой. И нищій, съ улыбкой качая головой на чужое счастье, взялъ и пошелъ, на ходу закусывая.

Онъ шелъ, держа палку наотлетъ, наготовѣ: то кубаремъ катится подъ ноги злая хрипучая шавка—и, докатившись, неожиданно смолкаетъ; то желтый пушистый кобель яростно деретъ, кидаетъ землю задними ногами, стоя возлѣ пуньки, и рычитъ, захлебываясь, съ огненными глазами... Подойдя къ избѣ, къ маленькому окошечку, нищій смиренно кланялся и легонько стучалъ батожкомъ въ раму. Но часто никто не отзывался на этотъ стукъ: еще досѣвали, допахивали многие, были въ полѣ. И старая крестьянская душа даже втайнѣ радовалась: въ полѣ народъ... это время годъ кормить... не до нищихъ... А порой за стеклами, въ которыхъ постукивалъ нищій, склонялась сидѣвшая на лавкѣ съ груднымъ на рукахъ бѣлолицая баба. Въ окошечкѣ, маленькомъ, бѣдномъ, она казалась очень большою. Ничуть не

стыдась, что нищій видитъ ея мягкую пшеничную грудь, она махала крупной рукой въ серебрянныхъ кольцахъ, а ребенокъ, не выпуская сладкаго соска изо рта, лежалъ, смотрѣлъ ей въ лицо темными ясными глазами, дралъ голые каряки въ розовыхъ точкахъ отъ блохъ.—«Богъ дастъ, не прогнѣвайся!»—говорила баба. Чтò до старухъ, то каждая, болѣзненно морщась, непременно высовывалась наружу и долго жаловалась, все твердила, что рада бь радостью податъ, да нечего... всѣ въ полѣ... а безъ спросу боязно, ее, старуху, и такъ заглодали... Нищій соглашался, говорилъ:—«Ну, прости за ради Бога»—и шелъ дальше.

Онъ сдѣлалъ за день версть тридцать и ничуть не умирался: только одеревнѣли, притупились, стали неладно ковылять ноги. Длинный мѣшокъ его былъ до половины набитъ корками и кой-какимъ добришкомъ; а подъ низками, подъ армякомъ въ большихъ заплаткахъ, подъ овчинной курткой и заношенной рубахой, уже давно висѣла на крестѣ ладанка, гдѣ зашито было девяносто два рубля бумажками. И на душѣ у него было покойно. Конечно, старъ, худъ, вывѣтрился,—ротъ стянутый, пересохшій дочерна, носъ какъ кость, шея вся въ трещинахъ, клѣтччатая, точно пробковая,—но бодръ еще. Глаза, когда-то бывшіе черными, гноились и туманились легкими бѣлками; да все-таки видѣли—и полноводный прудъ, и розовый свѣтъ на избахъ въ томъ боку, и даже чистое блѣдное небо. Воздухъ свѣжѣлъ, слышнѣе, но какъ будто еще дальше замиралъ дѣтскій плачъ, пахло холодящей травой... Два голубя дружно пронеслись надъ крышами, пали на глинистомъ берегу и, подымая головки, стали пить... Давеча на большой дорогѣ, въ одинокомъ дворѣ, расщедрились бабы: подали большой кусокъ коленкора и хорошіе, совсѣмъ еще хоть куда штаны: справилъ себѣ ихній малый, да придавило его въ ямѣ, въ пищулѣ, гдѣ мужики глину копали. Теперь нищій шелъ и думалъ: не то сбуть ихъ, не то самому надѣтъ, а свои, ужъ очень непарадные, въ полѣ подъ межу кинуть?

Кончивъ деревню, онъ повернулъ въ короткій переуло-

чекъ, на выѣздъ въ степь. И въ глаза ему глянуло лучистое, погожее апрѣльское солнце, опускавшееся далеко за равниной, за сѣрыми парами и яровыми взметами. На самомъ выѣздѣ, на поворотѣ укатанной блестящей дороги въ ту дальнюю притынную деревушку, гдѣ думалъ заночевать нищій, стояла небольшая новая изба, плотно крытая вприческу лимоннаго цвѣта старновкой. Ото всѣхъ отдѣляясь, поселились тутъ съ годъ тому назадъ,—еще щепя валялась кое-гдѣ,—мужъ съ женой, люди хозяйственные и пріятные, тайкомъ торговавшіе водкой. Нищій и пошелъ прямо къ этой избѣ: штаны можно было продать хозяину ея; да любилъ онъ и просто заходить въ нее, любилъ за то, что живеть она какой-то своей, особенной жизнью, тихой и прочной, стоитъ на выѣздѣ и глядитъ чистыми окошечками на закатъ солнца, при которомъ допѣваютъ въ холодѣющемъ воздухѣ свои вечернія пѣсни жаворонки. Подъ глухой стѣной, выходящей въ переулочекъ, была тѣнь. А съ лица было весело. Прошлой осенью хозяинъ посадилъ подъ окошечками три куста акаціи. Теперь они принялись и уже опушились желтоватой зеленью, нѣжной, какъ на вербѣ. Обойдя ихъ, нищій вошелъ черезъ сѣни въ горницу.

Сперва, послѣ солнца, онъ ничего не видѣлъ, хотя солнце и сюда глядѣло, освѣщая голубой прозрачный дымъ, плававшій надъ столомъ. Выгадывая время для глазъ, онъ долго кланялся, крестился на новую фольговую икону въ углу. Потомъ сложилъ мѣшокъ и палку возлѣ двери на полъ и различилъ крупнаго мужика, въ лаптяхъ и оборванномъ полушубкѣ, сидѣвшаго спиной къ двери, на скамейкѣ за столомъ, а на лавкѣ —нарядную хозяйку.

— Благодать вамъ Господня,—негромко сказалъ онъ ей, еще разъ кланяясь.—Съ прошедчимъ праздникомъ.

Хотѣлъ было спѣть „Христось воскресе“, да почувствовалъ, что будетъ некстати, и подумалъ:

— А хозяина-то, знать, дома нѣту... Жалко.

Хозяйка была хороша собой, съ ладнымъ станомъ, съ

бѣлыми руками, точно и не баба простая. Одѣта она была, какъ всегда, по-праздничному: перловое ожерелье, миткалевая сорочка съ тонкими вздутыми рукавами, краснымъ и синимъ расшитая занавѣска, шерстянная кубовая юбка въ кирпичную клѣтку и грубые, но крѣпко и по ногѣ сшитые полсапожки со стальными подковками. Склонивъ аккуратную голову, чистое лицо, она вышивала рубаху мужу. Когда нищій поздоровался, она подняла на него твердые, безъ блеску глаза, пристально посмотрѣла и привѣтливо кивнула. Потомъ, легонько вздохнувъ, отложила работу, ловко воткнувъ въ нее иголку, прошла, постукивая по деревянному полу полсапожками и вилая задомъ, къ печкѣ, вынула изъ шкапчика косушку водки и толстую чашку въ синихъ разводахъ.

— А притомился, однако...—негромко, какъ бы про себя сказалъ нищій—и въ извиненіе за водку, и слегка смущаясь молчаніемъ не повернувшася къ нему мужика.

Мягко ступая лаптями, скромно обойдя его, онъ сѣлъ на другую лавку, на уголь стола, напротивъ. А хозяйка поставила передъ нимъ косушку, чашку и вернулась къ работѣ. Тогда тяжело поднялъ голову этотъ здоровый оборванный степнякъ,—передъ нимъ зеленѣлъ цѣлый полштофъ,—и, прищурившись, уставился на своего скромнаго собутыльника. Можетъ онъ и притворялся малость; но все же лицо его воспалено было, глаза пьяны, налиты мутнымъ блескомъ хмеля, пересмягшія губы полураскрыты, точно въ жару: видно, ужъ не первый день пилъ онъ. И нищій слегка подтянулся и осторожно сталъ наливать свою чашку. Чтѣ жъ, молъ, всякій свое пьетъ... тутъ шинокъ, и мы другъ дружкѣ не мѣшаемъ. Онъ приподнял голову, и туманно-черные глаза его цвѣта спѣлаго терна, весь его вывѣтранный и загрубѣвшій въ степи обликъ ничего не выражали.

— Гдѣ таскался?—грубо и шало спросилъ мужикъ.—Воревать пришелъ, благо народъ въ полѣ?

— Зачѣмъ воровать?—ровно и скромно отозвался нищій.—У меня шесть человѣкъ дѣтей было, свой домъ, хозяйство...

— Слѣпой, слѣпой, а, небось сколько натаскалъ перьевъ, прутьевъ у свою яругу!

— Зачѣмъ? Я въ черной работѣ на шахтахъ десять лѣтъ работалъ...

— Энто не работа. Энто...

— Ты лишняго не говори,—не возвышая голоса, не поднимая рѣсницъ, сказала хозяйка и перекусила нитку.—Я похабнаго не слушаю. Отъ мужа еще не слыхала.

— Ну, молчи, не буду... барыня!—сказалъ мужикъ—Низвините... Я тебѣ спрашиваю,—сказалъ онъ, нахмурираясь, нищему:—какія такія шахты, когда земля не сѣяна, не скорожена?

— Да вѣдь, конечно... у кого она есть, къ примѣру...

— Погоди, я тебѣ умнѣй!—сказалъ мужикъ, хлопнувъ ладонью по столу.—Отвѣчай на вопросъ: въ солдатахъ служилъ?

— Ундеръ-церъ-десятаго гренадерскаго малороссійскаго генераль-фитъмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полка... Какъ же такъ не служилъ?

— Молчи, не вякай лишняго! Въ какомъ году взяли?

— Семьдесятъ шестомъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

— Ничѣмъ не былъ провинень?

— Никакъ нѣтъ.

— Начальство ублажалъ?

— Не могъ того не дѣлать. Присягу прималъ.

— А это что за шрамъ на шеѣ? Понялъ, ай нѣтъ, куда я вижу?.. Это я его испытываю,—сказалъ мужикъ, угрюмо двигая бровями, но мѣняя властный тонъ на болѣе простой и обращая къ хозяйкѣ свое шальное лицо, золотисто освѣщенное сквозь табачный дымъ закатомъ.—Я его насквозь вижу... Я бѣденъ, бѣденъ, а не одного такого-то оброталъ! Не лаптемъ тоже щи хлебаю!

И опять нахмурился, взглянувъ на нищаго:

— Передъ святымъ крестомъ-евангелиемъ преклонялся?

— Такъ точно,—отвѣтилъ нищій, успѣвшій выпить, вытереться рукавомъ, сѣсть опять прямо и придать своему лицу и туманнымъ глазамъ безстрастное выраженіе.

Мужикъ мутно оглядѣлъ его:

— Встань передо мной!

— Не шуми. Тебѣ сказано, ай нѣтъ?—спокойно вмѣшалась хозяйка.

— Постой ты за ради Бога,—отмахнулся мужикъ и повторилъ:—Встань передо мной!

— Да что-й-то вы, ей-Богу...—пробормоталъ нищій.

— Встань, тебѣ говорятъ!—крикнулъ мужикъ.—Я тебѣ вопросъ сдѣлаю.

Нищій поднялся и переступилъ съ ноги на ногу.

— Руки по швамъ! Такъ. Пачпортъ есть?

— Да ай вы урядникъ, что ли...

— Молчи, не смѣй такъ балакать со мной! Я самъ тянулся. Показывай сію минуту!

Покорно отстегнувъ крючки армяка, потомъ овчинной куртки, нищій долго рылся за пазухой. Наконецъ вытащилъ завернутую въ красный ветхій платочекъ бумагу.

— Подай сюда,—отрывисто сказалъ мужикъ.

И, развернувъ платочекъ, нищій подалъ ему истертую сѣрую книжечку съ большой сургучной печатью. Мужикъ неловко раскрылъ ее корявыми пальцами и, дѣлая видъ, что читаетъ, далеко отставилъ отъ себя, откинулся и долго смотрѣлъ сквозь дымъ и краснѣющей свѣтъ зари.

— Такъ. Вижу. Все въ аккуратѣ. Бери назадъ,—съ трудомъ сказалъ онъ спекшимися губами.—Я бѣденъ, бѣденъ, я, можетъ, другую весну не пашу, не сѣю... меня люди зарѣзали, я у него, у собаки, въ ногахъ валялся... а мнѣ, можетъ, цѣны нѣту... А что наворовалъ, сказывай, а то убью сейчасъ!—крикнулъ онъ свирѣпо.—Я все знаю, все призошелъ... самъ въ смѣль кипѣлъ... Жизнь намъ Господь даетъ, а отымаетъ всякая гадина... Давай сюда мѣшокъ, и болѣ никакихъ!

Хозяйка только головой качнула и отклонилась от вышивки, разглядывая ее. Нищій пошелъ къ двери, подалъ мужику и мѣшокъ. Мужикъ взялъ, положилъ возлѣ себя на скамейку и, приминая его, сказалъ:

— Правильно. Теперь садись, давай побалакаемъ. Я всѣ эти дѣла разберу. Я свою ревизию сдѣлаю, не бойся!

И замолчалъ, уставившись въ столъ.

— Вясна...—пробормоталъ онъ:—Ахъ, да разнесчастная субботушка, нельзя въ полѣ работатъ... Дѣлай!—крикнулъ онъ кому-то, стараясь щелкнуть пальцами:

Пошла барыня плясать,
Голубые пальцы...

И опять замолчалъ. Хозяйка заглаживала наперсткомъ вышивку.

— Я корову пойду доить,—сказала она, поднимаясь съ мѣста.—Огня безъ меня не вздувайте, а то еще пожару спяну надѣлаете.

Мужикъ очнулся.

— Господи!—воскликнулъ онъ обиженно.—Хозяюшка! Да неушто мы... Объ мужу небось скучились?

— Это не твоя печаль,—сказала хозяйка.—Онъ въ городѣ, по дѣлу. По кабакамъ не таскается.

— Потаскаешься!—сказалъ мужикъ.—Чтѣ жъ мнѣ, ай подь дорогу теперь выходитъ? Вамъ, чертямъ, богатымъ, хорошо...

Хозяйка, захвативъ подоинникъ, вышла. Въ избѣ темнѣло, было тихо, и розовый свѣтъ разливался въ темнотѣ, мягкой, весенней. Мужикъ, облокотясь на столъ, дремалъ, насасывая потухшую цыгарку. Нищій сидѣлъ смирно, неслышно, прислонясь къ темному простѣнку, и лица его почти не было видно.

— Пиво пьешь?—спросилъ мужикъ.

— Пью,—послышался изъ сумрака негромкій отвѣтъ. Мужикъ помолчалъ.

— Бродяги мы съ тобой,—сказалъ онъ хмуро и задумчиво.—Сволотá несчастная... побирушки... Мнѣ съ тобой скушно!

— Это правильно...

— А пиво я люблю,—опять помолчавъ, громко сказалъ мужикъ.—Не держитъ, стерва! А то бы я и пива выпилъ... и закусилъ бы... у меня языкъ намокъ, ѣсть хочется... Закусилъ бы и выпилъ... да... А эта, хозяйка, хороша лицомъ! Мнѣ бы такую-то на пристяжку, я бы... Ну, ничего, сиди, сиди... Я слѣпыхъ уважаю. Придетъ престольный праздникъ, я ихъ, слѣпыхъ-то, бывало, чловѣкъ двадцать за столъ посажу, у насъ дворъ былъ—поискать такого-то! Они мнѣ и стихъ споютъ и поклоняются.. Стихи можешь пѣть? Про Алексѣя Божьи чловѣки? Я этотъ стихъ долюбую. Бери чашку,—своей угощу...

Взявъ изъ рукъ нишаго чашку, онъ поднялъ ее на слабый свѣтъ зари и налилъ до половины. Нищій всталъ, низко поклонился, вытянулъ чашку до дна и опять сѣлъ. Мужикъ потащилъ къ себѣ на колѣни его мѣшокъ и, развязывая, забормоталъ:

— Я тебя сразу понялъ... У меня, братъ, денегъ хватить, я тебѣ не ровня... Я ихъ хладнокровно проживаю... пропиваю... Въ годъ по лошади пропиваю, по хорошему барану прокуриваю... Ага! Наколоса на мужичка, понялъ теперь, кто я такой? А мнѣ тебѣ жалко... Я понимаю! Васъ, такихъ-то, тыщи весеннее время идуть... Грязь, чичеръ, ни путя ни дороги, а ты иди, кланяйся... да еще не то дадутъ, не то нѣтъ... Братъ! Разя я не понимаю?—спросилъ мужикъ горько, и глаза его наполнились слезами.

— Нѣтъ, вешнее время ничего, хорошо,—тихо сказалъ нищій.—Идешь полемъ, большакомъ... одинъ, какъ есть... Опять же солнушко, тепло... Правда, большія тысячи насъ такихъ-то идуть. Поль-Россіи идетъ.

— Я двѣ лошади пропилъ,—сказалъ мужикъ, выгребая изъ мѣшка корки, вытаскивая жилетку, коленкоръ, штаны и лапоть.—Я всѣ твои хрунки, лохмотья несчастныя раз-

беру... Стой! Брюки! Это я у тебя, съ деньгами справлюсь, обязательно куплю... Сколько?

Нищій подумаль.

— Да я бы за два отдалъ...

— Троякъ дамъ!—сказаль мужикъ, поднимаясь, подсовывая подъ себя штаны и садясь на нихъ.—Мои! А лапотъ гдѣ другой? Совсѣмъ новшй,—значить, обязательно украль... Ну, да ужъ лучше воровать, чѣмъ такъ-то, не хуже меня, сердце себѣ терзать вешнее время, съ голоду околѣвать, сѣнцы послѣднія раскрывать, когда послѣдній пастухъ, и тотъ при дѣлу... Я лошадь пропилъ, а она, скотина-то, дороже челоуѣка стѣить... Ай я не пахарь, не косецъ?... А теперь пой стихъ, а то убью сейчасъ!—крикнуль онъ.—Мнѣ съ тобой скушно!

Дрожащимъ, скромнымъ, но привычнымъ голосомъ нищій запѣль изъ темноты:

Жили-были братья рѣдные,
Богомъ-Христомъ братья сводные...

— Ахъ, да и своднаи!—высоко и жалостно подхватилъ мужикъ, надрываясь.

Нищій ровнымъ церковнымъ напѣвомъ продолжалъ:

Одинъ бѣденъ-скудень,
У гною-проказѣ...

— А другой бога-атый!—не въ ладъ, заглушая его, со слезами въ голосѣ подхватилъ мужикъ.—Сердитѣй!—крикнуль онъ, срываясь.—Мине горе съѣло, у всѣхъ людей праздникъ, у всѣхъ людей стѣвы, а я грызу землю, она, родимая, другую весну у меня пустуя... Подай сюда чашку, а то убью сейчасъ! Открой мнѣ окошко!

И опять нищій покорно подалъ чашку. Потомъ сталъ отворять окно. Новое, оно забухло и долго не подавалось. Наконецъ подалось, распахнулось. Свѣжо, хорошо запахло полемъ. Поле было уже совсѣмъ темно, мутно-розовая заря потухала, чуть рѣяла надъ мягкой тьмой его, тихаго,

счастливаго, оплодотвореннаго. Слышно было, какъ долѣвали свои самыя послѣднія пѣсни полусонные жаворонки.

— Пой, Лазарь, пой, рѣдный мой братяцъ!—сказаль мужикъ нѣжно, протягивая нищему полную чашку.—Оба мы съ тобой... Только чтѣ ты передо мной? Бродяга! А я рабочій челоуѣкъ, всѣхъ страдащихъ поилецъ-кормилецъ...

Онъ тяжело, срыву съѣль и опять полѣзъ въ мѣшокъ.

— А это чтѣ у тебя такое?—спросилъ онъ, разглядывая коленкоръ, чуть порозовѣвшій отъ едва уловимаго свѣта зари.

— Такъ... бабы подали,—сказаль нищій тихо, чувствуя, что отъ хмеля все плыветъ подъ нимъ, что пора уходить, и что надо какъ-нибудь вытянуть изъ-подъ мужика штаны.

— Какъ такъ? Брешешь!—крикнуль мужикъ, ударяя кулакомъ по столу.—Это саванъ—ввижу! Это гробный саванъ!—со слезами крикнуль онъ и помолчалъ, какъ будто слушающая затихающія пѣсни жаворонковъ. Потомъ отпихнуль отъ себя мѣшокъ и, замотавъ лохматой головой, заплакаль:—Возгордился я на Бога!—горько сказаль онъ, плача.

И, натуживаясь, ладно, сильно запѣль:

Зародила-сохранила меня мать,
Непростительнаго!
Усѣ муки прійзашель,
Всѣ печали прійзашель,
Нигдѣ счастья не призрѣль!
Говорила мине мать,
Приговаривала:
Кабы знала-вѣдала,
Такой чады никогда
Не стерпѣла бы...

— Душа моя грѣшница, веретенница!—дико закричалъ онъ, плача, и вдругъ съ жуткимъ хохотомъ захлопаль въ ладоши:—Нищій челоуѣкъ, отдай мнѣ свои деньги! Я тебѣ насквозь знаю, я тебѣ насквозь чую—отдай! Знаю, что есть! Не можетъ того быть, чтобы не было,—отдай за ради самого Господа-Бога!

И, шатаясь, поднялся, и у нищаго, тоже поднявшагося, отнялись ноги отъ страха, заняло въ ляжкахъ. Заплаканное лицо мужика, чуть видное въ сумракѣ, было безумно.

— Отдай!—повторилъ онъ сразу охрипшимъ голосомъ.— За ради Царицы Небесной—отдай! Вижу, вижу—за грудь, за пельки ухватился,—значить, есть,—у васъ у всѣхъ есть! Отдай—тебѣ все равно ни къ чему, ты въ гробу одной ногой, а я навѣкъ человѣкомъ стану! Отдай добромъ,—братъ, родной, не доводи до грѣха!

— Никакъ нѣтъ,—тихо и безстрастно сказалъ нищій.

— Какъ?

— Никакъ нѣтъ. Двѣнадцать лѣтъ собиралъ. Не рѣшусь.

— Не отдашь?—сипло спросилъ мужикъ.

— Нѣтъ...—едва слышно, но непоколебимо сказалъ нищій.

Мужикъ долго молчалъ. Въ темнотѣ было слышно, какъ у обоихъ стучать сердца.

— Хорошо,—съ безумной покорностью проговорилъ мужикъ.—Я тебѣ убью. Пойду, найду камень и убью.

И, шатаясь, пошелъ къ порогу.

Нищій, прямо стоя въ темнотѣ, широко и медленно перекрестился. А мужикъ, быкомъ склонивъ голову, уже ходилъ подъ окнами.

Потомъ послышался хрустъ,—видно, онъ выдиралъ камень изъ фундамента.

И черезъ минуту дверь снова хлопнула—и нищій вытянулся еще болѣе.

— Остатнїй разъ тебѣ говорю...—пробормоталъ мужикъ спаленными губами, подходя къ нему съ большимъ бѣлымъ камнемъ въ рукахъ.—Братъ...

Нищій молчалъ. Лица его не было видно. Размахнувшись лѣвой рукой и поймавъ нищаго за шею, мужикъ крѣпко ударилъ его въ откочнувшееся лицо холоднымъ камнемъ. Нищій рванулся назадъ и, падая, задѣвая лаптемъ столъ,

стукнулся затылкомъ объ лавку, потомъ объ полъ. И, навалившись на него, мужикъ сталъ яростно, сдавивъ въ груди дыханіе, перебивать ему камнемъ горло.

Черезъ десять минутъ онъ былъ уже далеко въ темномъ ровномъ полѣ. Было звѣздно, свѣжо, металлически пахло землей. Совсѣмъ трезвый, онъ шелъ такъ быстро и такъ легко, что, казалось, можно было еще сто верстъ пройти. Ладанку, сорванную съ креста нищаго, онъ крѣпко держалъ въ кулакѣ. Потомъ далеко отшвырнулъ въ темные взметы. Глаза его стояли по-совинному, зубы были стиснуты, какъ клещи. Раскрытую голову,—шапку онъ не нашелъ въ темнотѣ, хотя искалъ долго,—обливало холодомъ. Она была какъ каменная.

Капри 31. 1. 1914.

Ив. Бунинъ.

Изданія „Русскаго Книгоиздательства въ Одессѣ“:

- Ив. Бунинъ. Весенній вечеръ (разсказъ) . . . — р. 75 к.
Александръ Кипень. На берегу залива (разск.) — р. 75 к.
Сем. Юшкевичъ. Давидъ Левинъ (разск.) . . . — р. 90 к.
Георгій Гребенщиковъ. Волчья жизнь (разск.) . — р. 75 к.
П. Нилусъ. Сашенька (разск.) (печатается) . . — р. 75 к.
Александръ Кипень. Мееръ (разск.) (печатается) — р. 75 к.

Всѣ изданія продаются за наличный расчетъ. Иногороднимъ книги высылаются по почтѣ, наложеннымъ платежемъ.

КНИГОПРОДАВЦАМЪ СКИДКА.

Складъ изданій—въ Одессѣ,

Херсонская, 21. Тел. 38-78.

Цѣна 75 к.